ОБРЯДЪ ПРОХОЖДЕНІЯ ВЪ ЗЕМЛЯНЫЯ ВОРОТА

(Изъ быта чувашъ).

Въ изданныхъ до сихъ поръ этнографическихъ изслѣдованіяхъ описаны многіе чувашскіе обычаи и обряды, но нигдѣ я не нашелъ указаній объ одномъ, весьма важномъ въ чувашскомъ быту, обрядѣ. Это—обрядъ „Прохожденія въ земляныя ворота“ (çĕр хапха витĕр тухни) или „Прохожденія сквозь землю“ (çĕр витĕр тухни). Въ старину этотъ обрядъ совершался чувашами повсемѣстно каждый годъ или черезъ годъ, а въ три года разъ—непремѣнно. Въ послѣднее время чуваши стали совершать его рѣже и рѣже, а мѣстами и совсѣмъ оставили. На моей родинѣ, въ с. Ново-Ильмовомъ Кустѣ, Симбирской губерніи, а также въ окрестныхъ селахъ: Алгашахъ, Городищахъ, Тимерсянахъ, Богдашкинѣ,—до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія этотъ обрядъ совершался аккуратно черезъ каждые три года. Въ малолѣтствѣ мнѣ самому приходилось три-четыре раза участвовать при совершеніи этого обряда и вмѣстѣ съ другими „проходить въ земляныя ворота“. Въ настоящее время чуваши-христіане, кажется, повсемѣстно оставили уже этотъ обычай, да и чуваши-язычники совершаютъ его теперь только въ рѣдкіе и исключительные годы, въ годы общенародныхъ бѣдствій, какъ-то: по случаю сильной засухи, холеры и чумы. Въ Среднихъ Алгашахъ, Симб. губ. (языческая деревня) въ послѣдній



разъ этотъ обрядъ былъ совершенъ въ 1892-мъ холерномъ году.

Совершаютъ его всегда послѣ чувашскаго праздника „Ҫинҫе“ [1]), предъ началомъ паровой пашни. Мѣсто для совершенія обряда выбирается всегда около какого-нибудь оврага рядомъ съ деревней или недалеко отъ нея, но обязательно на восточной сторонѣ ея. При въѣздѣ въ село Ново-Ильмовый Кустъ съ восточной стороны на спускѣ къ рѣчкѣ Цильнѣ можно видѣть рядъ ямъ, остатковъ отъ „земляныхъ воротъ“.

Совершаютъ этотъ обрядъ чуваши съ цѣлью предохранить себя и скотъ отъ эпидеміи или другого какого-нибудь общественнаго бѣдствія, или же съ цѣлью устранить наступившее уже народное бѣдствіе, о чемъ и просятъ Бога какъ сами чуваши, такъ и ёмзя (шаманъ) при совершеніи самаго обряда.

Церемонія обряда заключается въ слѣдующемъ.

Сельскій староста, предварительно посовѣтовавшись со стариками, извѣщаетъ черезъ десятскихъ своихъ односельчанъ, что въ такой-то день „ҫӗр витӗр тухмалла“, т. е. нужно проходить въ земляныя ворота. Въ назначенный день всѣ жители деревни должны быть дома. Ни въ одномъ домѣ до совершенія обряда не должно разводить огня для какой бы то ни было надобности. По наступленіи назначеннаго дня часовъ въ 7—8 утра изъ каждаго дома выходитъ одинъ или нѣсколько человѣкъ съ лопатами и заступами для рытья воротъ. Около оврага выбирается удобное мѣсто и начинаютъ рыть. На спускѣ къ оврагу роютъ проходъ размѣромъ съ настоящія ворота. Сверху прохода оставляется полоса земли толщиною въ аршинъ, имѣющая снизу форму свода. Гдѣ грунтъ не

---

[1]) Объ этомъ праздникѣ см. статью священ. Антонія Иванова, стран. 141—147 тома XIV «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этн.», стран. 195 «Корневого чувашско-рус. словаря» Н. И. Золотницкаго, стран. 18—23 «Записокъ А. Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казан. губ.», стран. 23—24 статьи В. П. Вишневскаго «О религіоз. повѣрьяхъ чувашъ» (Казань, 846).

твердый, подъ этотъ сводъ кладутъ доски, чтобы земля не обрушилась. Такимъ образомъ, получаются настоящія земляныя ворота съ сводчатообразной крышей, въ видѣ туннеля. Къ тому времени, когда ворота должны быть готовы, начинаютъ добывать огонь. Для этого вблизи земляныхъ воротъ ставятъ параллельно два вертикальныхъ столба, а между ними кладутъ поперекъ толстую палку, такъ что получается форма буквы „Н“. Столбы сверху сильно стягиваются веревкой. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ веревкой же начинаютъ быстро вертѣть палку, укрѣпленную между столбами. Черезъ нѣсколько времени на концахъ палки отъ сильнаго тренія вспыхиваетъ огонь, который чуваши называютъ „новымъ огнемъ“—çĕнĕ вут. Около земляныхъ воротъ, на правой сторонѣ выхода, этимъ новымъ огнемъ разводятъ костеръ. Къ этому времени должны собраться здѣсь буквально всѣ жители деревни отъ мала до велика. Дома могутъ остаться только тяжело больные и работники, если послѣдніе родомъ не изъ этой деревни. Сюда же пригоняютъ къ этому времени и стада, принадлежащія этой деревнѣ. Когда всѣ соберутся къ мѣсту совершенія обряда, на „новомъ огнѣ“ въ маленькомъ котлѣ варятъ кашу и пекутъ на сковородѣ 5—6 штукъ „йусмановъ“, т. е. тоненькихъ лепешекъ. Кашу приносятъ въ жертву „киремет амăшне“, т. е. матери киреметя, а лепешки ея дѣтямъ. При этомъ ёмзя-женщина читаетъ слѣдующую молитву: „выђăх çĕнĕ курăк çине пусаť: айăп-ђĕрĕп ан тăвăр, синкер айăпне каçарăр“=скотина наступаетъ на новую (свѣжую) траву: не вините, не осудите, неосторожно сдѣланную вину простите [1]). Послѣ этого по обѣимъ сторонамъ выхода изъ воротъ ставятъ по одной кадушкѣ съ водой. Ёмзя-мущина читаетъ надъ водой молитву, но, какую именно, мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось узнать ни отъ кого. Во всякомъ случаѣ, общій смыслъ молитвы долженъ быть тотъ, чтобы Господь сохранилъ жите-

[1]) Это, несомнѣнно, не полная молитва, а только отрывокъ ея. Полной молитвы ни отъ кого не удалось мнѣ добиться. Въ полной формѣ чувашскія молитвы извѣстны только ёмзямъ, но они не любятъ открывать людямъ своихъ тайнъ.

лей деревни и ихъ скотину отъ повальныхъ болѣзней и другихъ народныхъ бѣдствій. Послѣ совершенія этой молитвы начинается самое прохожденіе въ земляныя ворота. Сначала проходитъ одинъ человѣкъ—единственный сынъ у родителей, а за нимъ всѣ мущины. Затѣмъ проходитъ дѣвушка—единственная дочь у родителей, а за ней—всѣ женщины. Потомъ прогоняютъ скотину. Не позволяютъ проходить работникамъ и гостямъ изъ другихъ селеній. Двое ёмзей-мущинъ стоятъ по обѣимъ сторонамъ выхода и всѣхъ проходящихъ окропляютъ „освященной“ водой, со словами: „сывă пул“—будь здоровъ. Все это происходитъ чинно, серьёзно и благообразно. Послѣ всѣхъ пропускаютъ черную курицу. Ее стараются отогнать далеко отъ деревни, въ поле, на востокъ. Если эта черная курица не вернется обратно въ деревню, то это, по повѣрью чувашъ, служитъ предзнаменованіемъ того, что жертва ихъ оказалась угодна Богу и никакая „черная“ бѣда не постигнетъ ихъ деревни. Если же курица вернется обратно въ деревню, то, значитъ, ихъ молитва не принята Богомъ и ихъ деревню можетъ постигнуть какая-нибудь новая бѣда. По окончаніи всей церемоніи народъ чинно расходится по домамъ, при чемъ каждый домохозяинъ въ глиняной посудѣ беретъ домой „новый огонь“, т. е. горячихъ угольевъ изъ костра.

Такъ совершаютъ этотъ обрядъ чуваши-язычники. Но не въ далекомъ прошломъ совершали этотъ обрядъ, а, быть можетъ, совершаютъ мѣстами и въ настоящее время и чуваши-христіане. Въ такомъ случаѣ чуваши приглашали къ совершенію обряда и мѣстное духовенство, которое являлось сюда съ крестнымъ ходомъ. До прибытія духовенства чуваши обыкновенно успѣвали продѣлать все то, что входитъ въ церемонію обряда: также рыли ворота, также добывали огонь, на новомъ огнѣ варили кашу съ юсманами, которыя также женщиной-ёмзей приносились въ жертву матери киремети и ея дѣтямъ; также ёмзи-шаманы по своему освящали воду въ кадушкахъ. Только самое прохожденіе въ ворота откладывалось до прибытія духовенства. Духовенство, явившись сюда съ

иконами, совершало здѣсь водосвятный молебенъ, при чемъ священникъ погружалъ крестъ въ ту же кадушку, надъ которой раньше читалъ свои молитвы чувашскій ёмзя. Христіанскому освященію воды чуваши, очевидно, не придавали никакого значенія, вѣруя всецѣло только въ силу молитвы своего шамана. Духовенство же приглашалось сюда, очевидно, только для отвода глазъ, чтобы оно не придиралось къ нимъ за совершеніе языческаго обряда. Послѣ освященія воды священникомъ, начиналось самое прохожденіе въ ворота, причемъ каждый проходящій творилъ крестное знаменіе и просилъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ ихъ самихъ и ихъ скотину отъ всякихъ бѣдъ и золъ. Священникъ, стоя у выхода изъ воротъ, каждаго проходящаго окроплялъ святой водой. Послѣ ухода духовенства народъ расходился по домамъ, взявши часть „новаго огня“.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ полное смѣшеніе христіанскаго обряда съ языческимъ. Священники, будучи не знакомы съ бытомъ и вѣрованіями своихъ прихожанъ и участвуя при совершеніи этого обряда, очевидно, не въ состояніи были давать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что они дѣлали. Тѣмъ болѣе, чуваши въ данномъ случаѣ допускали по отношенію къ священникамъ нѣкотораго рода хитрость: когда священники спрашивали ихъ, зачѣмъ они къ общественному молебну дѣлаютъ такія приготовленія (роютъ земляныя ворота)?—чуваши отвѣчали имъ: „а для удобства, батюшка, такъ-то, вѣдь, оно удобнѣе; самъ знаешь, скотина безтолковая, она ничего не понимаетъ; если не дѣлать воротъ, вѣдь она можетъ разбѣжаться и васъ самихъ съ иконами сбить съ ногъ“. Нѣкоторые священники, кажется, принимали эту уловку за чистую монету. Но другіе, кажется, хорошо понимали, что они участвуютъ въ совершеніи языческаго обряда и своимъ участіемъ какъ бы освящаютъ и санкціонируютъ языческіе обычаи чувашъ. Только, не имѣя силъ убѣдить прихожанъ оставить этотъ обычай, они смотрѣли на это сквозь пальцы.

Въ послѣднее время, когда дѣло просвѣщенія инородцевъ Волжско-Камскаго края стали вести по системѣ покойнаго Н. И. Ильминскаго, среди чувашъ, какъ извѣстно, стало замѣчаться сильное движеніе въ сторону христіанства. Прежнія языческія убѣжденія чуваши стали мѣнять на христіанскія. Вмѣстѣ съ сознательнымъ усвоеніемъ христіанства среди чувашъ и описанный выше обрядъ прохожденія въ земляныя ворота исчезъ какъ-то незамѣтно, самъ собою.

Въ прежнее время чуваши придавали этому обряду громадное значеніе. Онъ считался даже выше общественнаго жертвоприношенія—учука [1]). Во время эпидемій онъ считался единственнымъ средствомъ спасенія.

Свящ. К. Прокопьевъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь Общества *Н. Горталовъ*.

Типо-литографія Императорскаго Университета 1903 года.

[1]) Объ учукѣ см. стран. 142—146 тома XIV «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн.», статью священника Антонія Иванова.